EDN: UGADJY

(cc) BY-SA

Дата поступления статьи: 05.06.2025
Дата поступления последней рецензии: 17.08.2025
Дата принятия статьи к публикации: 02.12.2025

# Принцип свободы выбора и уважения автономии воли личности при взаимодействии с цифровыми технологиями и его выражение в цифровом законодательстве

**Лескина Э. И.**
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
E-mail: elli-m@mail.ru

**Аннотация**

***Введение***: развитие цифровых технологий приводит к посягательствам на отдельные права человека. Такая ситуация в совокупности с непрозрачностью алгоритмов и решений, принимаемых с помощью искусственного интеллекта, является вызовом для законодателя. Цель статьи — разработать концепцию принципа свободы выбора и уважения автономии воли личности при взаимодействии с цифровыми технологиями.

***Методология и материалы***: автор использует комплекс эмпирических и теоретических методов, включая сравнительно-правовой, исторический, формально-юридический и метод правового прогнозирования. Благодаря этому анализируется эволюция правовых принципов, сравниваются российский и зарубежные подходы к регулированию цифровых прав, а также прогнозируется влияние нового принципа на правоприменительную практику.

***Результаты исследования и их обсуждение***: в статье обосновывается легальное закрепление принципа свободы выбора и уважения автономии воли личности при взаимодействии с цифровыми технологиями в системе принципов кодифицированного акта в области информационных правоотношений. Анализируются аксиологические основы данного принципа, в частности ценности свободы и безопасности. Определяется категория автономии, такие ее аспекты, как обеспечение особой среды, осознанность, позитивное регулирование условий автономии, когда манипулирование расценивается как принуждение и вмешательство в автономию. Рассматривается реализация принципа в таких областях, как право на судебную защиту, сфера защиты прав потребителей, образование, обеспечение неприкосновенности и защиты частной жизни, избирательные права, кредитование.

***Выводы***: сущность принципа свободы выбора и уважения автономии воли заключается в обеспечении свободы выбора при взаимодействии с искусственным интеллектом, алгоритмами онлайн-сервисов, в предоставлении полной информации в доступной форме о принятии решений на основе алгоритмов, возможности обжалования решений, принятых с применением цифровых технологий. Указанный принцип нуждается в закреплении при принятии Цифрового (Информационного) кодекса и может в дальнейшем оказывать влияние на различные сферы применения цифровых технологий, напрямую использоваться правоприменителем, судебными органами при разрешении спорных ситуаций, возникающих в условиях правовых коллизий и пробелов.

**Ключевые слова**: цифровые технологии, принципы права, автономия, цифровизация, отказ от цифровизации, автоматизированное принятие решений.

© Лескина Э. И., 2026
© Leskina E. I., 2026

**Для цитирования**: *Лескина Э. И.* Принцип свободы выбора и уважения автономии воли личности при взаимодействии с цифровыми технологиями и его выражение в цифровом законодательстве // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 2 (28). С. 69–83. EDN: UGADJY
**Финансирование**: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00698, https://rscf.ru/project/25-18-00698/.

The article was submitted: 05.06.2025
Last review received: 17.08.2025
The article accepted for publication: 02.12.2025

## The Principle of Freedom of Choice and Respect for the Autonomy of the Individual's Will When Interacting With Digital Technologies and Its Expression in Digital Legislation

**Eleonora I. Leskina**
National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation
E-mail: elli-m@mail.ru

**Abstract**
***Introduction:*** Legal principles are time-tested, which correspond to the legal traditions and values of society. The development of digital technologies leads to the expansion of human rights, restrictions in modern technological solutions. Such a situation in the disclosure with the principle of "black box", due to the opacity of algorithms, decisions made with the help of artificial intelligence, is a challenge for the legislator.
***Methodology and materials***: The purpose of the article is the idea of the concept of the principle of freedom of choice and autonomy of the will of the individual when handling digital technologies. When writing the article, both general scientific and specific methods were used: analysis and synthesis, induction and deduction, systematization, comparative legal, historical, formal legal methods, the method of legal analysis.
***Results of the study and their discussion***: The article substantiates the legal consolidation of the principles of freedom of choice and democracy of the will of the individual when handling digital technologies as one of the elements of the system of a codified act in the field of information legal relations. The axiological foundations of these principles, in particular the values of freedom and security, are considered. It is noted that freedom of choice in interaction with digital technologies ensures the provision of services to others, including constitutional rights of man and citizen. The category of autonomy is defined, such aspects as ensuring a special environment, awareness, positive regulation of the conditions of autonomy, when manipulation grows as coercion and interference in autonomy. The implementation of principles in such areas as the right to judicial protection, the sphere of consumer protection, education, ensuring inviolability and protection of private life, electoral rights, lending is considered. The external and internal side of the principle, its content, including various rights, restrictions related to issues of ensuring security and significance are highlighted.
***Conclusions***: The essence of the principle of freedom of choice and autonomy of the Constitution is to ensure freedom in the presence of artificial intelligence, algorithms, choice of online services, provision of full information in an accessible form or intelligent solutions based on algorithms, preliminary refusal to exercise rights using digital technologies, appealing decisions made using technologies. The principle of freedom and democracy in the autonomy of the will of man included the complexity of rights and guarantees of their implementation, minimizing the risks arising in the digital era. The specified principle is contained in the consolidation of the Digital (Information) code and can further influence various

areas of application of digital technologies, determine legal regulation in various entities and establish, directly used by the law enforcement officer, thus ensuring the resolution of controversial situations arising in the context of legal collisions and events.
**Keywords**: digital technologies, principles of rights, autonomy, digitalization, refusal of digitalization, automated decision-making.
**For citation**: Leskina, E. I. (2026) The principle of freedom of choice and respect for the autonomy of the individual's will when interacting with digital technologies and its expression in digital legislation. *Theoretical and Applied Law.* No. 2 (28). Pp. 69–83. (In Russ.)
**Funding**: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25-18-00698, https://rscf.ru/project/25-18-00698/

## Введение

Принципы правового регулирования являются тем звеном, той основой, которая проверена временем, отвечает правовым традициям и ценностям общества. И на их основе строится новое законодательство. В рамках данного исследования остановимся на одном принципе, который должен быть закреплен в законодательстве, регулирующем общественные отношения в информационной сфере. Это принцип, закрепляющий свободу человека на выбор по взаимодействию или отказу от взаимодействия с цифровыми технологиями, обеспечивающий защиту от решений, принимаемых на основе цифровых технологий. Он включает в себя, в частности, право на отказ от использования цифровых технологий[1]. В схожем понимании рассматривается «право на цифровизацию» — как «субъективное право любого лица на восприятие и применение норм права при помощи цифровых средств, включая право на отказ от использования последних»[2]. В настоящее время законодательство, регулирующее рассматриваемую сферу, находится на начальном этапе своего развития, можно говорить лишь о точечном регулировании, не всегда учитывающем необходимый уровень защиты физических лиц. Но в Европейском Союзе уже закреплен аналогичный правовой принцип. Так, Декларация о европейских цифровых правах и принципах[3] схожий принцип именует как принцип свободы выбора.

## Методология и материалы

Цель статьи — разработать концепцию принципа свободы выбора и уважения автономии воли личности при взаимодействии с цифровыми технологиями. В работе использованы методы как эмпирического (анализ и синтез, индукция и дедукция, систематизация), так и теоретического (методы построения и исследования объекта исследования и методы построения и оправдания теоретического знания) уровней, сравнительно-правовой, исторический, формально-юридический методы, метод правового прогнозирования. Так, формально-юридический метод позволил выявить отдельные элементы рассматриваемого принципа, а также сформулировать его дефиницию. Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления российского подхода к регулированию прав в цифровом пространстве с подходами других государств, а также для выявления достоинств и недостатков различных моделей закрепления свободы выбора при взаимодействии с цифровыми технологиями. Исторический метод использован для выявления эволюции правовых принципов, а также для демонстрации того, как вызовы цифровой эпохи трансформируют классические правовые институты. Метод правового прогнозирования использован при формулировании выводов о возможном влиянии закрепления предложенного принципа на правоприменительную практику.

---

[1] См.: *Наумов В. Б.* Отказ от цифровых технологий: абсурд или новое право человека и гражданина // Бачиловские чтения: материалы Четвертой международной научно-практической конференции (г. Москва, 5–6 февраля 2022 г.). Отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов / Институт государства и права РАН. Саратов, 2022. С. 78–84.

[2] *Волос А. А., Иванов А. А.* Цифровизация и Конституция // Закон. 2022. № 12. С. 34–45.

[3] European Declaration on Digital Rights and Principles for the Digital Decade 2023/C 23/01. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:JOC_2023_023_R_0001 (дата обращения: 10.01.2024).

## Результаты исследования и их обсуждение

### Понятие, сущность и значение принципа свободы выбора и уважения автономии воли при взаимодействии с цифровыми технологиями

Представляется, что в основе предлагаемого принципа лежат ценности свободы и безопасности. Эти ценности — общие для всех отраслей права. Например, ценность свободы проявляется в многочисленных сферах и выражается, например, в свободе мысли и слова, свободе труда, свободе экономической деятельности, свободе совести, вероисповедания, творчества, научных исследований и т. д. Свобода выбора по взаимодействию с цифровыми технологиями обеспечивает реализацию множества иных, в том числе и конституционных прав человека и гражданина.

Общие аксиологические основания обуславливают взаимосвязь принципа свободы выбора и уважения автономии при взаимодействии с цифровыми технологиями с «классическими» конституционными принципами. Безусловно, рассматриваемый принцип связан с принципом свободы личности. Оба этих принципа зиждутся на ценности свободы, оба они не могут быть абсолютными, но содержат возможность самостоятельного выбора. Ценность равенства проявляется как в одноименном конституционно-правовом принципе, так и в рассматриваемом принципе свободы выбора и уважения автономии при взаимодействии с цифровыми технологиями. Так, в последнем принципе равенство будет выражаться, например, в необходимости преодоления цифрового разрыва. Возникает вопрос, являются ли существующие конституционные принципы достаточными для действенной защиты прав и свобод человека при взаимодействии с цифровыми технологиями? Формально конституционные принципы могут распространяться и на информационное пространство, и даже должны, с учетом всё большего посягательства на права человека в цифровой среде. Однако фактически для эффективности такого распространения желательно иметь позицию Конституционного Суда РФ. Закрепление же рассматриваемого принципа в качестве самостоятельного позволило бы более активно использовать его для защиты прав и свобод граждан, совершенствования законодательства, сформировать плеяду прав человека нового поколения.

Помимо ценностей свободы и безопасности в основе этого принципа лежит категория автономии. Принцип автономии действует в медицине и биоэтике (принцип автономии воли пациента) еще с 1970-х гг.[4], он закреплен в качестве автономии воли сторон в гражданском праве, международном частном праве и т. д.

Автономия в этике подразумевает способность личности к самоопределению, действию в соответствии со своими убеждениями[5], способность самостоятельно выбирать правила поведения исходя из своих моральных норм[6], к индивидуальной свободе действий[7]. Автономия связана как в целом со свободой, так и со свободой воли, то есть способности к преднамеренному действию. В рамках теории Дж. Раза автономия предполагает создание такой среды, в которой человек действует по собственному убеждению, автономно[8]. Автономия здесь противопоставляется ситуации, когда выбор отсутствует, он является вынужденным; автономия включает в себя категории осознанности, позитивного регулирования условий автономии, а манипулирование расценивается как принуждение и вмешательство в автономию.

Считаем, что принцип, рассматриваемый в настоящем исследовании, должен именоваться как принцип свободы выбора и уважения автономии воли при взаимодействии с цифровыми технологиями. Само наименование принципа может быть предметом дискуссий, и мы не посягаем на то, что предлагаемая формулировка является наиболее приемлемой. Помимо свободы и автономии при формулировке

---

[4] *Юдин Е. В.* Принцип автономии пациента и право на информированное добровольное согласие при оказании медицинской помощи: некоторые правовые и биоэтические аспекты // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1А. С. 239–252.

[5] Педагогический терминологический словарь. СПб.: Российская национальная библиотека. 2006.

[6] Большой психологический словарь / отв. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. М.: Прайм-Еврознак, 2007.

[7] Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907.

[8] *Raz J.* The Morality of Freedom. Clarendon Press, 1986. P. 247. URL: https://academic.oup.com/book/9926 (дата обращения: 17.01.2024).

данного принципа может учитываться «человеческое достоинство». Вместе с тем наименование этого принципа должно быть сформулировано широко, базироваться на ценности свободы и подразумевать взаимодействие (в широком смысле этого слова) со всеми цифровыми технологиями. Законодательное закрепление не должно ограничивать перечень цифровых технологий. Это может быть решение, принятое на основе нейросети, алгоритмов и т. д. Дело в том, что, несмотря на легальное определение отдельных понятий, рано говорить о единстве в понимании терминов. Терминологическое не-единообразие может выражаться и в злоупотреблениях специалистов в области IT, которые могут именовать свои проекты с помощью иных терминов. Например, вместо искусственного интеллекта говорить о проектировании матрицы и т. п. с целью обхода ограничительных и этических норм. Распространение принципа свободы выбора и уважения автономии воли на все цифровые технологии способствовало бы защите прав и свобод человека.

Не только отсутствие единообразия в определении различных технологий, но и постоянное развитие последних требует широкого подхода к формулировке рассматриваемого принципа. Например, в науке используется термин «эмоциональный искусственный интеллект», который изучает, воспринимает и взаимодействует с эмоциональной составляющей человека. Посредством технологии распознавания лиц, анализа голоса, иных физиологических изменений искусственный интеллект оценивает, отслеживает эмоции или решения человека и манипулирует ими. Бизнес и даже государственный сектор заинтересован во внедрении таких технологий, но допустимо ли использовать их в отношении клиентов (граждан) без получения соответствующего согласия последних? Изначально разработка этой технологии была направлена на повышение прибыли или даже качества оказания государственных услуг путем считывания эмоций обратившихся за услугой. Эмоциональный интеллект, в частности, позволяет сигнализировать операторам колл-центра о недовольстве обратившихся и предлагать направить разговор в другое русло или варианты развития общения. Но любое манипулирование посягает на автономию воли личности, может быть угрозой для многих прав человека, например в сфере избирательного права. Под угрозой находится также самоопределение, уважение человеческого достоинства.

Наконец, говоря о сущности рассматриваемого принципа, выделим его внешнюю и внутреннюю сторону. Внешняя сторона и есть принимаемые решения, общение с нейросетью. Это могут быть рекомендательные алгоритмы для судей, программы, прогнозирующие место совершения преступления. И эта внешняя сфера может быть достаточно легко урегулирована правом. Здесь, например, возможно установить принципы прозрачности в совокупности с принципом подотчетности. Заслуживает внимания предложение об установлении обязанности по обеспечению прозрачности осуществления функций государства с помощью технологий искусственного интеллекта[9], высказываются справедливые утверждения о необходимости ограничить применение искусственного интеллекта, если не обеспечена прозрачность его использования[10]. Положительную роль здесь может сыграть обязанность предоставлять отчеты. Можно обязать компании раскрывать в таких отчетах в доступной форме принципы действия алгоритмов, «вес» различных критериев для принятия программой решений, закрепить права граждан по предоставлению указанной информации в доступной для понимания форме, возможность требовать возмещение убытков, компенсации морального вреда в случае, когда применение технологий привело к нарушению их прав, и т. д. Трудности представляет внутренняя сторона принципа свободы выбора и уважения автономии воли. Цифровые технологии предоставляют источники, информацию, которая трансформируется в знания, с внутренней стороны влияет на те решения, которые принимает человек, будь то гражданин или судья, происходит влияние на внутреннее убеждение человека, его мысли. Информация влияет, например, на результаты нашего голосования, выбор места проведения отпуска, траекторию маршрута и т. д. Влияние, оказываемое на наши знания, влияет и на свободу, автономию.

[9] *Силкин В. В.* Транспарентность исполнительной власти в цифровую эпоху // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 20–31.

[10] *Харитонова Ю. С.* Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 2 (Vol. 1).

Этот «эффект пузыря»[11] (или кокон фильтров) содержит предвзятость, оформленную внешне в качестве полезной информации, но внутренне оказывающей негативное давление на принятие решений либо подтверждение неверной позиции. Ведь сама по себе ценность свободы включает не только отсутствие принуждения, но и независимость в своих действиях. Предвзятость может выражаться в последующей дискриминации, принятии необоснованных решений[12]. То есть окружающее нас информационное поле, ограниченное алгоритмами, рекомендациями, профилированием, негативно влияет на автономию воли человека.

Итак, принцип свободы выбора и уважения автономии воли личности при взаимодействии с цифровыми технологиями — это принцип права, обеспечивающий выбор человека по применению или неприменению в отношении него информационных технологий, цифровых сервисов, услуг, автоматизированного принятия решений и т. д., а также обеспечивающий недопустимость манипулятивного и иного влияния через информационные технологии на убеждения человека. Природа принципа свободы выбора и уважения автономии воли личности при взаимодействии с цифровыми технологиями заключается в основополагающем начале для законодательства, согласно которому любой человек вправе отказаться от возможностей цифровизации, включая цифровое взаимодействие. Гарантии реализации этого принципа должны содержать возможность выбора, альтернативные варианты для осуществления своих прав и обязанностей физическими лицами.

Говоря о месте данного принципа в системе правовых принципов, отметим, что он основывается на ст. 2 Конституции РФ и развивает это общее для всех отраслей права положение о человекоцентричности законодательства и всех общественных отношений. Закрепление рассматриваемого принципа в информационном законодательстве позволит установить баланс между различными интересами при применении инновационных технологий, обработке данных, развитии публичных институтов (например, предоставление государственных услуг). Внедрение принципа свободы выбора и уважения автономии воли основывается и на принципе равенства и дифференциации, когда в асимметричных отношениях право предоставляет «слабой» стороне определенные гарантии, льготы, дополнительные правомочия с целью установления фактического равенства сторон. Человек является такой «слабой» стороной при взаимодействии с инновациями, когда на стороне их применения стоят, например, IT-гиганты, транснациональные корпорации. Дальнейшее рассмотрение сфер влияния указанного принципа позволит на более конкретных примерах рассмотреть способы реализации рассматриваемого принципа, показать положительные результаты его возможного внедрения в информационное законодательство.

## Сферы влияния принципа свободы выбора и уважения автономии воли при взаимодействии с цифровыми технологиями

В указанном понимании принцип свободы выбора и уважения автономии воли достаточно полно будет отражать разнообразное содержание и применяться в различных сферах.

В частности, это могут быть следующие области и права человека:

1. **Право на судебную защиту**. Распространение цифровых технологий влияет и на судебную систему. Хотя известны случаи негативного влияния цифровых решений в качестве помощников судей, особенно чувствительны для прав граждан случаи автоматического вынесения судебных актов (постановлений). Например, еще около 10 лет назад Мичиганская интегрированная автоматизированная система данных (MiDAS) автоматически выявляла мошенничество и выставляла требования о компенсации[13]. Оказалось, что в основе данных MiDAS была ошибка и более чем 40 000 гражданам требования были

[11] *Longo E.* Dai big data alle “bolle filtro”: nuovi rischi per i sistemi democratici // Percorsi Costituzionali. 2019. No. 12. Pp. 29–44. URL: https://flore.unifi.it/retrieve/e398c381-2b32-179a-e053-3705fe0a4cff/Longo-Dai%20big%20data%20alle%20%c2%abbolle%20filtro%c2%bb_%20n-2011%20copy.pdf (дата обращения: 01.01.2024).

[12] *Ковалева Н. Н., Жирнова Н. А.* Проблемы обеспечения конфиденциальности персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2024. № 7.

[13] *Stephanie Wykstra.* Government’s Use of Algorithm Serves Up False Fraud Charges. 2020. URL: https://undark.org/2020/06/01/michigan-unemployment-fraud-algorithm/ (дата обращения: 17.01.2024).

выставлены в неправильных размерах, превышающих в несколько раз допустимые, а иногда и совсем без оснований. В указанном случае юридическая природа таких требований носила силу судебного приказа, если проводить аналогию с российским законодательством, а соответственно, такие требования направлялись для принудительного исполнения. Безусловно, подобные подходы не должны применяться в рамках российского законодательства.

Высказываются предложения стимулировать граждан обращаться в суд с исками в машиночитаемом виде[14], например, посредством снижения государственной пошлины. Предполагается, что затем такая форма вытеснит привычное обращение. Но всегда будут слои населения, не задействованные в информатизации, и лишение их возможности обращаться в суд в традиционных форматах будет противоречить конституционному праву на судебную защиту.

Уже в настоящее время существует тенденция признания надлежащих условий для осуществления процессуальных прав при наличии у заинтересованного лица доступа к сети Интернет. Мы считаем спорной позицию Верховного суда РФ[15] о том, что подача жалобы через электронные ресурсы является безусловным подтверждением возможности взаимодействовать через электронные ресурсы, получать и передавать информацию, знакомиться с материалами дела, даже если заявитель предоставил доказательства отсутствия доступа к сайту (www.arbitr.ru). Само по себе опубликование судебного акта не должно рассматриваться как презумпция того, что добросовестные стороны имеют возможность ознакомиться с этим документом[16].

Внедрение данного принципа будет способствовать обеспечению права на правосудие вне зависимости от функционирования цифровых сервисов. Например, кибератаки на цифровую инфраструктуру российских судов могут послужить причиной множества проблем касательно соблюдения сроков при оставлении исковых заявлений без движения, информирования по принятым решениям, расчета и выяснения реквизитов для оплаты государственной пошлины и т. д.

Здесь мы не выступаем против внедрения цифровых технологий в правосудие. Цифровизация судов способствует обеспечению доступности правосудия. Но, учитывая предлагаемый принцип свободы выбора и уважения автономии воли, всегда следует оставлять право выбора за личностью по поводу осуществления важнейших процессуальных действий в офлайн-формате. Поэтому считаем, что закрепление данного принципа будет способствовать доступности правосудия.

2. **Защита прав потребителей**. Посредством манипулятивных алгоритмов, эмоционального ИИ возможно склонение потребителей к тем услугам, которые наименее безопасны с точки зрения конфиденциальности[17]. «Темные шаблоны» подталкивали пользователей к тому, чтобы они делились большим количеством персональных данных. Защита пользователей от манипулятивного влияния имеется в США[18], в России данное направление пока находится в зачаточном состоянии. Несмотря на принятие норм о рекомендательных технологиях[19], фактически асимметричность отношений не устранена. Потребителям, являющимся «слабой стороной» правоотношений, должны предоставляться более эффективные способы для реализации прав. В этой связи нам представляется более грамотным подход, закрепленный в Законе ЕС о цифровых услугах, согласно которому владельцы сайта, информационной системы, платформы и т. п. обязаны предоставлять пользователю информацию в доступной, понятно изложенной форме, с учетом возраста пользователя. Кроме того, как справедливо отмечает А. В. Минбалеев, в настоящее время отсутствует легальная возможность защиты личных неимущественных прав от последст-

---

[14] Выступление Олега Ускова, председателя Белгородского областного суда, на X Петербургском международном юридическом форуме. Площадка «Автоматизация судопроизводства: стоит ли ждать робота-судью в ближайшем будущем?». URL: https://roscongress.org/sessions/splf-2022-avtomatizatsiya-sudoproizvodstva-stoit-li-zhdat-robota-sudyu-v-blizhayshem-budushchem/translation/ (дата обращения: 23.01.2024).

[15] Определение Верховного Суда РФ от 20.01.2022 № 302-ЭС21-29453 по делу № А33-37747/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Определение Верховного Суда РФ от 07.10.2021 № 304-ЭС21-22022 по делу № А46-17881/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[17] The Norwegian Consumer Council, 'Deceived by Design' (Report 2018). URL: www.forbrukerradet.no/undersokelse/no-undersokelsekategori/deceived-by-design/ (дата обращения: 09.01.2024).

[18] Deceptive Experiences to Online Users Reduction Act 2019. URL: www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1084/text (дата обращения: 09.01.2024).

[19] Ст. 10.2-2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

вий скрейпинга, ошибок рейтингования, ограничений в правах вследствие низкого рейтинга (например, в Китае) и т. д.[20].

3. **Образование**. В период пандемии поступление в вузы осуществлялось исключительно в дистанционном формате. При этом возникали ошибки, которые мешали абитуриентам подать документы. Например, в системе адрес улицы мог не совпадать с тем, что указан в паспорте. Особенно часто это касалось улиц, названных в честь известных лиц: система могла написать название с инициалами или в другом порядке (например, «ул. А. С. Пушкина» вместо «ул. Александра Сергеевича Пушкина»). Из-за таких расхождений абитуриент не мог поступить. Несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку, следовало предусмотреть возможность учета человеческого фактора в спорных ситуациях. Подобные проблемы часто возникают из-за использования информационных систем в образовании. В частности, достаточно активной стала выдача документов об образовании в виде электронного документа. В ряде случаев (например, при повышении квалификации) такой формат стал единственно возможным. Указанная тенденция будет распространяться и на документы о высшем образовании, начиная с 2025 г. в рамках правового эксперимента[21]. Здесь необходимо не просто обеспечить право обучающихся на получение не только цифрового диплома, но и бумажного. С таким правом, по нашему мнению, следует знакомить обучающихся под роспись. Введение принципа свободы выбора и уважения автономии личности при взаимодействии с цифровыми технологиями позволит обеспечить право на традиционные форматы взаимодействия между участниками отношений в сфере образования.

4. **Дополнительные права и гарантии обеспечения неприкосновенности и защиты сферы частной жизни**. Так, 5 января 2024 г. в Москве были проведены испытания светофора, фиксирующего факт нарушения ПДД пешеходами. Примечательно, что глава Госавтоинспекции г. Москвы А. И. Быков при этом сказал, что для эффективного применения подобных технологических решений предоставление биометрических персональных данных должно стать обязанностью, а не правом граждан[22]. Считаем, что указанные решения должны оцениваться с точки зрения риска или пользы. И конкретно в случае повсеместного сбора биометрических данных с граждан угрозы информационной безопасности будут превышать возможные преимущества и пользу. Закрепление принципа свободы выбора и уважения автономии воли позволило бы избежать принятия таких положений в будущем.

5. **Избирательные права**. Электронное голосование имеет много преимуществ, но вместе с тем с учетом дипфейков, сложности идентификации личности, участвующей в голосовании, следует предусмотреть действенные меры по идентификации избирателей (например, с помощью биометрических персональных данных). Кроме того, такая форма голосования должна оставаться субсидиарной и в будущем не заменять традиционную форму голосования.

6. **Область кредитования**. Цифровизация финансового сектора привела к тому, что нейросеть на основе технологии больших данных обеспечивает оценку кредитоспособности заемщика, проводит кредитный скоринг, а затем одобряет или отклоняет заявку на кредит[23]. Однако такие решения могут иметь негативные последствия для дальнейшей выдачи кредитов, поскольку информация об отказе от заключения, например, договора потребительского кредита отражается в кредитной истории[24].

---

[20] *Минбалеев А. В.* Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан // Гражданское право. 2022. № 2. С. 9–11.

[21] Постановление Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2024 г. № 173 «О проведении эксперимента по формированию цифровых документов об образовании и (или) о квалификации, документов об обучении посредством модуля «Единый реестр цифровых документов об образовании» федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении» в 2024 году». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402160022 (дата обращения: 29.11.2024).

[22] В Москве испытали прототип светофора, фиксирующего нарушения ПДД пешеходом на переходе. URL: https://tass.ru/obschestvo/19677719 (дата обращения: 09.01.2024).

[23] *Сазнова М.* Искусственный интеллект в финтехе и банкинге // Информационно-правовой портал Гарант.ру. Новости и аналитика. 5 октября 2023 г. URL: https://www.garant.ru/article/1649470/ (дата обращения: 09.01.2024).

[24] Ч. 5 ст. 7 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «О потребительском кредите (займе)» // СПС «КонсультантПлюс».

Следует сказать, что в действующем законодательстве рассматриваемый принцип лишь частично находит свое отражение. Одно из положений, являющихся проявлением рассматриваемого принципа, — это закрепленный в ч. 1 ст. 16 Закона «О персональных данных» запрет на принятие решений, затрагивающих права и свободы субъекта, основанных исключительно на автоматизированной обработке. Сюда же можно отнести норму п. 6 ч. 1 ст. 86 Трудового кодекса РФ. Вместе с тем требуется значительное расширение областей, где бы рассматриваемый в настоящей статье принцип получил закрепление.

Кроме того, даже в нынешнем виде указанные правомочия в сфере автоматизированной обработки персональных данных и принятия решений на ее основе не вполне соответствуют этому принципу. Формальное участие человека не гарантирует возможности оспорить последующее решение, поскольку оно перестает считаться исключительно автоматизированным. Более того, остается неясным, как применять эти правила к решениям, принимаемым с помощью искусственного интеллекта на этапе трудоустройства, а также не уточняется действие норм применительно к профилированию[25].

Официальные разъяснения уполномоченных органов весьма ограничены, не содержат четких принципов и оснований[26], хотя в зарубежных странах в указанной сфере руководства содержат варианты действий для многочисленных ситуаций[27].

Отношения по трудоустройству у конкретного работодателя относятся к иным, непосредственно связанным с трудовыми, и, хотя они включены в предмет регулирования Трудового кодекса РФ, формально не подпадают под запрет, касающийся автоматизированной обработки персональных данных работника. Это касается в том числе профилирования и применения искусственного интеллекта для принятия решений о найме конкретного соискателя. Даже если согласиться с тем, что при найме искусственный интеллект не принимает окончательного решения о трудоустройстве, а лишь отсеивает неподходящих кандидатов[28], такое отсеивание является не чем иным, как отказом. А отказ в силу ст. 64 ТК РФ должен быть мотивированным и по просьбе соискателя предоставлен ему в письменном виде. Однако указать причины отказа будет практически невозможно, учитывая, что многие технологии искусственного интеллекта работают по принципу «черного ящика» (непрозрачного алгоритма).

Таким образом, применение искусственного интеллекта на стадии трудоустройства в принципе возможно, но сопряжено с рисками как для работодателя (например, привлечение к административной ответственности за отсутствие письменного мотивированного отказа), так и для соискателя (риск дискриминации).

Помимо ограничений по принятию решений на основании автоматизированной обработки персональных данных, в качестве примеров проявления исследуемого принципа можно привести право работника отказаться от кадрового электронного документооборота. Примечательно, что отсутствие согласия признается отказом работника от взаимодействия посредством электронного документооборота. Вместе с тем такое право предоставлено лишь лицам, которые по состоянию на 31 декабря 2021 г. имели трудовой стаж (ст. 22.2 Трудового кодекса РФ).

Далее к проявлению рассматриваемого принципа в действующих правовых нормах можно отнести ограничения для функционирования рекомендательных систем, установленные ст. 10.2-2 Закона «Об информации»[29]. Однако таких ограничений недостаточно, поскольку пользователь не может отказаться от применения к нему рекомендательных технологий.

Указанные примеры, на наш взгляд, показывают, что фактически нормы, реализующие принцип свободы выбора и уважения автономии, находят лишь точечное отражение в нормативно-правовых актах.

---

[25] *Новиков Д. А.* Использование искусственного интеллекта при найме работников: проблемы и перспективы правового регулирования // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 3 (Vol. 2).

[26] *Талапина Э. В.* Автоматизированное принятие решений в государственном управлении: теоретический разбор возможностей // Журнал российского права. 2022. № 11.

[27] См., напр.: Automated decision-making and profiling. URL: https://ico.org.uk/for-organisations/uk-gdpr-guidance-and-resources/individual-rights/automated-decision-making-and-profiling/what-is-automated-individual-decision-making-and-profiling/ (дата обращения: 29.05.2025).

[28] *Мыльников М. А.* Организационно-правовые аспекты применения современных кадровых технологий с использованием искусственного интеллекта в МВД России // Академическая мысль. 2021. № 3.

[29] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // ИПП «Гарант».

## Значение принципа свободы выбора и уважения автономии воли при взаимодействии с цифровыми технологиями

Принцип свободы выбора и уважения автономии воли человека создал бы благоприятную почву для формирования различных прав нового поколения. Например, это могут быть права:

1) На информирование относительно того, что человек общается с нейросетью, искусственным интеллектом.

2) На отказ от взаимодействия с цифровыми технологиями при реализации своих прав и продолжить общение с человеком (сотрудником).

3) На отказ от решения, принятого исключительно с применением цифровых технологий, и требование принять такое решение человеком. Логично предположить, что если человек, согласно п. 2, отказался от взаимодействия с цифровыми технологиями и пожелал продолжить общение с человеком, то автоматически решения, принятые исключительно с помощью цифровых технологий, не могут быть приняты. Однако фактически без закрепления рассматриваемого принципа решения могут приниматься автоматически на основе анализа больших данных. Отдельное закрепление такого права будет способствовать бóльшим гарантиям человека в различных правоотношениях (при найме, в трудовых, кредитных и иных отношениях).

4) На процессуальные гарантии по оспариванию решения и нивелированию последствий его принятия в случае, когда решение было принято с помощью алгоритмов, цифровых технологий. В литературе указывается на случаи, когда решения искусственного интеллекта не могут быть оспорены[30]. В частности, это отмечается в отношении сделок «биржевого робота» Банка России[31]. На уровне ЕС закреплено право оспорить решение, принятое посредством ИИ[32].

5) На получение документов, касающихся прав и свобод человека, всегда (для нормативно-правовых актов) или по просьбе заинтересованного лица (когда не предусмотрено обязательное принятие, разработка документов на бумажном носителе) на бумажном носителе. Особенно чувствительными такие последствия оказываются, когда цифровые решения, алгоритмы применяются в судебной, следственной деятельности. Ярким примером здесь может быть дело «Люмис против Висконсиса»[33]. Негативные последствия для подсудимого в совокупности с наложением на процедуру принятия решения и алгоритм правового режима коммерческой тайны является нарушением основополагающих прав и свобод человека.

Однако содержание рассматриваемого принципа не может распространяться на все правоотношения, в которых человек по своему желанию, независимо от иных участников, вправе отказаться от взаимодействия с цифровыми технологиями. Граница здесь очень чувствительна, и все подобные вопросы должны решаться, как правило, через категорию злоупотребления правом и обеспечение безопасности. Неслучайно в начале статьи мы уже отмечали, что в основе данного принципа лежит не только свобода, но и безопасность.

## Тенденции развития принципа свободы выбора и уважения автономии воли при взаимодействии с цифровыми технологиями в законодательстве

Реализация прав человека в цифровую эпоху при системном подходе предполагает, прежде всего, закрепление общих принципов. В настоящее время принят ряд международных документов, помимо указанной в настоящей статье Декларации ЕС, которая прямо закрепляет принцип свободы выбора

---

[30] *Амелин Р. В., Чаннов С. Е.* Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: НОРМА, 2023. 280 с.

[31] *Антонова Н. В., Бальхаева С. Б., Гаунова Ж. А. и др.* Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. 240 с.

[32] Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах. URL: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4 (дата обращения: 09.01.2024).

[33] State v. Loomis. Comment On: 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016) // 130 Harv. L. Rev. 1530. URL: https://harvardlawreview.org/print/vol-130/state-v-loomis/ (дата обращения: 09.01.2024).

и уважения автономии (при использовании различной терминологии, но в используемом здесь понимании данного принципа).

Так, Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права[34] закрепляет принцип уважения человеческого достоинства и индивидуальной автономии в рамках жизненного цикла систем искусственного интеллекта. Конвенция призывает создать условия, чтобы люди контролировали включенность систем ИИ в свою жизнь, чтобы ИИ только расширял автономию, не ущемлял свободу делать выбор и принимать решения.

Отдельные аспекты реализации рассматриваемого принципа приняты на уровне ООН. В этой связи нельзя не отметить Глобальный цифровой договор[35]. Напрямую данный акт не закрепляет отдельные принципы или даже новые права человека в цифровой среде. Однако он имеет особое стратегическое значение и включает в себя положения, отражающие важность новых рисков для обеспечения защиты прав человека в связи с развитием инновационных технологий. Отдельное внимание обращено на поддержку лиц женского пола, несовершеннолетних, инвалидов, пожилых, на недопустимость дискриминации и т. д., а также определяются шаги для достижения положительной динамики в решении заявленных задач к 2030 г.

В США регулирование идет точечно. Например, Федеральная комиссия по связи предложила правила по обязательству раскрывать при звонках информацию о применении искусственного интеллекта[36]. После уведомления о применении ИИ пользователи должны дать активное согласие на продолжение разговора.

Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями в Интернете в Китае[37] устанавливает право пользователей отказаться от алгоритмических рекомендаций. Поставщики соответствующих услуг должны информировать пользователей о своей деятельности, в том числе целях, принципах и механизмах работы. Особое внимание Положение уделяет правам и законным интересам несовершеннолетних и пожилых.

По поводу защиты пожилых принят доклад Всемирной организации здравоохранения[38], которая призывает содействовать защите прав лиц пожилого возраста. В частности, защитные меры предусматриваются как на стадии разработки систем ИИ (путем включения пожилых в процессы разработки, тестирования систем на эйджизм), так и при применении цифровых технологий (повышение цифровой грамотности, предотвращение эйджизма в работе государственных органов, согласие пожилых на взаимодействие с системами ИИ и оспаривание соответствующих решений).

В Австралии делается акцент на выстраивании доверительных отношений с пользователями. Так, Стандарт безопасности ИИ для бизнеса[39] призывает компании раскрывать информацию об использовании ИИ при взаимодействии с пользователями, при создании контента. Пользователи должны обладать правами по оспариванию методов применения ИИ и решений, принятых по результатам использования ИИ.

Отечественный законодатель, понимая важность скорейшего претворения рассматриваемого принципа в жизнь, не остается в стороне от закрепления тех или иных правомочий. Как правило, это пока не системный подход, при котором сначала легально обозначается сам принцип, а потом принимаются нормы в его развитие. Однако даже фрагментарный подход в ситуации, когда необходима скорейшая защита лиц, можно рассматривать только с положительной стороны.

---

[34] Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (Vilnius, 5.IX.2024). URL: https://rm.coe.int/1680afae3c (дата обращения: 29.10.2024).

[35] Проект резолюции, представленный Председателем Генеральной Ассамблеи «Пакт во имя будущего». URL: https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n24/252/91/pdf/n2425291.pdf (дата обращения: 29.10.2024).

[36] Notice Of Proposed Rulemaking And Notice Of Incuirs Adopted: August 7, 2024 Released: August 8, 2024. URL: https://docs.fcc.gov/public/attachments/FCC-24-84A1.pdf (дата обращения: 29.10.2024).

[37] Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями в Интернете от 04.01.2022（互联网信息服务算法推荐管理规定 2022年01月04日）. URL: https://www.cac.gov.cn/2022-01/04/c_1642894606364259.htm (дата обращения: 29.10.2024).

[38] Ageism in artificial intelligence for healt. URL: https://apps.who.int/iris/rest/bitstreams/1408281/retrieve (дата обращения: 29.10.2024).

[39] Voluntary AI Safety Standard Guiding safe and responsible use of artificial intelligence in Australia Date published: 5 September 2024. URL: https://www.industry.gov.au/publications/voluntary-ai-safety-standard#read-the-voluntary-ai-safety-standard-2 (дата обращения: 29.10.2024).

Так, представитель Роспотребнадзора заявил о подготовке предложений по защите потребителей при взаимодействии с технологиями искусственного интеллекта[40]. В частности, планируется ввести обязанность информировать потребителей о том, что они общаются с ИИ, предоставить право на отказ от такого общения (взаимодействия). Важно определить ответственных лиц за нарушения прав потребителей, которые возникли при взаимодействии с ИИ.

Декларация об ответственной разработке и использовании сервисов в сфере генеративного искусственного интеллекта[41] рекомендует разработчикам информировать пользователей о фактах использования генеративного интеллекта в своих системах. К Декларации присоединились Сбер, Яндекс, МТС ИИ, а также ведущие вузы и научные организации России.

## Выводы

Итак, сущность принципа свободы выбора и уважения автономии воли при взаимодействии с цифровыми технологиями заключается в следующем: обеспечение свободы выбора при взаимодействии с искусственным интеллектом и алгоритмами; возможность выбора онлайн-сервисов; предоставление полной информации в доступной форме о принятии решений на основе алгоритмов; недопустимость предварительного отказа от реализации прав посредством цифровых технологий; возможность обжалования решений, принятых с применением цифровых технологий. Рассматриваемый принцип носит межотраслевой характер, поскольку распространяет свое влияние на различные отрасли права и регулируемые общественные отношения. Принцип свободы выбора и уважения автономии личности при взаимодействии с цифровыми технологиями должен занимать одно из центральных мест в информационном законодательстве. В случае разработки и принятия Цифрового или Информационного кодекса данный принцип, безусловно, должен быть включен в его состав, поскольку, согласно одному из подходов, этот акт будет носить межотраслевой характер. До принятия указанных актов считаем, что указанный принцип мог бы найти закрепление как минимум в Законе «О защите прав потребителей» и Законе «О персональных данных». Это станет важным шагом для действенной защиты от автоматизированного принятия решений по результатам обработки персональных данных.

Не следует забывать об уязвимых слоях населения, к которым часто относят лиц пенсионного возраста, а также маргинальные группы. Эти граждане часто не могут пользоваться цифровыми технологиями. С другой стороны, жители малонаселенных пунктов (сел, деревень) могут не иметь физической возможности обратиться к представителям государственной власти или органам местного самоуправления для получения соответствующих услуг, поэтому они вынуждены прибегать к использованию цифровых сервисов. Рассматриваемый принцип предполагает наличие выбора, подкрепленного альтернативными вариантами для реализации своих прав. В целом перевод решений в цифровую область без возможности выбора степени влияния цифровых технологий на права и обязанности, а также без гарантий реализации нецифровой альтернативы будет как минимум противоречить ст. 2 Конституции РФ.

Внедрение и использование цифровых технологий ограничиваются с точки зрения различных аспектов: социального, институционального, нормативного и этического. Социальный аспект включает противостояние внедрению технологий в различные сферы и может выражаться в противодействиях и волнениях. Институциональные ограничения возникают в рамках конкретных правоотношений, например образовательных или корпоративных. Нормативные ограничения закрепляются в нормативно-правовых актах. При этом такие ограничения не всегда устанавливаются прямо. Иногда ограничения существуют, наоборот, из-за отсутствия четкого нормативного регулирования соответствующих правоотношений. Этические ограничения носят характер моральных предписаний нравственных норм.

[40] Роспотребнадзор сообщил о формировании правил использования ИИ. URL: https://rspectr.com/novosti/rospotrebnadzor-soobshhil-o-formirovanii-pravil-ispolzovaniya-ii (дата обращения 82.10.2024).

[41] https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2024/03/13/GenAi_Declaration_Ai_Alliance_Russia_FpNJ2Lc_82yB8pD.pdf (дата обращения: 29.10.2024).

Рассматривая закрепление принципа свободы выбора и уважения автономии воли сквозь призму обозначенных ограничений, отметим, что данный принцип будет положительно влиять на все ограничения. С его помощью возможны разрешение социальных противоречий, нормативное подкрепление моральных норм, аксиологическая оценка институциональных ограничений и развитие законодательства. Принцип свободы и уважения автономии воли человека обеспечивал бы комплексность прав и гарантий их реализации, минимизировал бы риски, возникающие в цифровую эпоху.

Указанный принцип может в дальнейшем оказывать влияние на различные сферы применения цифровых технологий, обуславливать правовое регулирование в различных областях и ситуациях, напрямую использоваться правоприменителем, судебными органами при разрешении спорных ситуаций, возникающих в условиях правовых коллизий и пробелов. Принцип свободы и уважения автономии воли человека послужил бы формированию прав нового поколения, устранению цифрового дисбаланса в пространстве статуса человека, с одной стороны, и положения государства, отечественных и зарубежных информационных корпораций — с другой[42]. Безусловно, остановить внедрение технологий в различные сферы общественной жизни нельзя, да и не нужно. Содействие, а не противодействие прогрессу является залогом развития государств. Но такое развитие должно зиждиться на важнейшей ценности — правах и свободе человека.

## Список источников


1. *Амелин Р. В.* Некоторые проблемы использования автоматизированных информационных систем в сфере образования / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов // Информатика и образование. 2016. № 1. С. 50–54. EDN: VTYTTR
2. *Антонова Н. В.* Юридическая концепция роботизации : монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова и др. / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. 240 с.
3. *Волос А. А.* Цифровизация и Конституция / А. А. Волос, А. А. Иванов // Закон. 2022. № 12. С. 34–45. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-12-34-45 EDN: NWRCDQ
4. *Ковалева Н. Н.* Проблемы обеспечения конфиденциальности персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта / Н. Н. Ковалева, Н. А. Жирнова // Журнал российского права. 2024. № 7. DOI: 10.61205/S160565900027561-1 EDN: TPWLPT
5. *Минбалеев А. В.* Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан // Гражданское право. 2022. № 2. С. 9–11 DOI: 10.18572/2070-2140-2022-2-9-11 EDN: TQOLTI
6. *Мыльников М. А.* Организационно-правовые аспекты применения современных кадровых технологий с использованием искусственного интеллекта в МВД России // Академическая мысль. 2021. № 3. EDN: WXAILM
7. *Наумов В. Б.* Отказ от цифровых технологий: абсурд или новое право человека и гражданина // Бачиловские чтения : материалы IV международной научно-практической конференции (г. Москва, 5–6 февраля 2022 г.) / отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов; Институт государства и права РАН. Саратов, 2022. С. 78–84. EDN: BJEKYB
8. *Новиков Д. А.* Использование искусственного интеллекта при найме работников: проблемы и перспективы правового регулирования // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 3. DOI: 10.21202/jdtl.2024.31. EDN: CHPESP
9. *Постников А. Е.* Конституционное право в контексте правовой культуры // Журнал российского права. 2024. № 8. DOI: 10.61205/S160565900030707-1. EDN: BKXXBX
10. *Силкин В. В.* Транспарентность исполнительной власти в цифровую эпоху // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 20–31. DOI: 10.34076/20713797_2021_4_20. EDN: MKAHOQ
11. *Талапина Э. В.* Автоматизированное принятие решений в государственном управлении: теоретический разбор возможностей // Журнал российского права. 2022. № 11. DOI: 10.12737/jrl.2022.117. EDN: HFFCKT


[42] *Постников А.Е.* Конституционное право в контексте правовой культуры // Журнал российского права. 2024. № 8.

12. *Харитонова Ю. С.* Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 2. DOI: 10.21202/jdtl.2023.14. EDN: DXNWHV
13. *Юдин Е. В.* Принцип автономии пациента и право на информированное добровольное согласие при оказании медицинской помощи: некоторые правовые и биоэтические аспекты // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 1А. С. 239–252. DOI: 10.34670/AR.2020.42.82.036. EDN: SYDHWJ
14. Longo E. (2019) Dai big data alle "bolle filtro": nuovi rischi per i sistemi democratici // *Percorsi Costituzionali*. No. 12. Pp. 29–44. URL: https://flore.unifi.it/retrieve/e398c381-2b32-179a-e053-3705fe0a4cff/Longo-Dai%20big%20data%20alle%20%c2%abbolle%20filtro%c2%bb_%20n-2011%20copy.pdf
15. Raz J. (1986) The Morality of Freedom. *Clarendon Press*. 247 p. URL: https://academic.oup.com/book/9926

## Об авторе:

**Лескина Элеонора Игоревна**, доцент департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-8772-5730; e-mail: elli-m@mail.ru

## References

1. Amelin, R. V., Channov, S. E. (2016) Some problems of using automated information systems in education. *Informatics and Education*, no. 1, pp. 50–54. (In Russ.)
2. Antonov, N. V., Balhaeva, S. B., Gaunova, Zh. A. et al. (2019) Legal concept of robotization: monograph. *Prospekt*. 240 p. (In Russ.)
3. Volos, A. A., Ivanov, A. A. (2022) Digitalization and the Constitution. *Law*, no. 12, pp. 34–45. (In Russ.) DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-12-34-45
4. Kovaleva, N. N., Zhirnova, N. A. (2024) Problems of ensuring the confidentiality of personal data when using artificial intelligence systems. *Journal of Russian Law*, no. 7. (In Russ.) DOI: 10.61205/S160565900027561-1
5. Minbaleev, A. V. (2022) Problems of civil law protection of personal non-property rights in the process of digital profiling of citizens. *Civil Law*, no. 2, pp. 9–11. (In Russ.) DOI: 10.18572/2070-2140-2022-2-9-11
6. Mylnikov, M. A. (2021) Organizational and legal aspects of the use of modern personnel technologies with artificial intelligence in the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Academic Thought*, no. 3. (In Russ.)
7. Naumov, V. B. (2022) Rejection of digital technologies: absurd or a new right of man and citizen. In: Polyakova, T. A., Minbaleev, A. V., Naumov, V. B. (eds.) Bachilovsky readings: materials of the Fourth International Scientific and Practical Conference (Moscow, February 5–6, 2022). *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. Saratov, pp. 78–84. (In Russ.)
8. Novikov, D. A. (2024) The Use of Artificial Intelligence in Hiring Employees: Problems and Prospects of Legal Regulation. *Journal of Digital Technologies and Law*, vol. 2, no. 3. (In Russ.) DOI: 10.21202/jdtl.2024.31
9. Postnikov, A. E. (2024) Constitutional law in the context of legal culture. *Journal of Russian Law*, no. 8. (In Russ.) DOI: 10.61205/S160565900030707-1
10. Silkin, V. V. (2021) Transparency of the executive branch in the digital age. *Russian Juridical Journal*, no. 4, pp. 20–31. (In Russ.) DOI: 10.34076/20713797_2021_4_20
11. Talapina, E. V. (2022) Automated decision-making in public administration: a theoretical analysis of opportunities. *Journal of Russian Law*, no. 11. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2022.117
12. Kharitonova, Yu. S. (2023) Legal means of ensuring the principle of transparency of artificial intelligence. *Journal of Digital Technologies and Law*, vol. 1, no. 2. (In Russ.) DOI: 10.21202/jdtl.2023.14
13. Yudin, E. V. (2021) The principle of patient autonomy and the right to informed voluntary consent in the provision of medical care: some legal and bioethical aspects. *Issues of Russian and International Law*, vol. 11, no. 1A, pp. 239–252. (In Russ.) DOI: 10.34670/AR.2020.42.82.036

14. Longo, E. (2019) Dai big data alle “bolle filtro”: nuovi rischi per i sistemi democratici. *Percorsi Costituzionali*, no. 12, pp. 29–44. Available at: https://flore.unifi.it/retrieve/e398c381-2b32-179a-e053-3705fe0a4cff/Longo-Dai%20big%20data%20alle%20%c2%abbolle%20filtro%c2%bb_%20n-2011%20copy.pdf
15. Raz, J. (1986) The Morality of Freedom. *Clarendon Press.* 247 p. Available at: https://academic.oup.com/book/9926.

**About the Author:**

**Eleonora I. Leskina**, PhD in Jurisprudence, Associate Professor of the School of Digital Law and Bio-law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Moscow, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-8772-5730; e-mail: elli-m@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.